

Е. Ф. Иванов

**«ОПИСАНИЕ ЯКУТОВ»
Я. И. ЛИНДЕНАУ**

Этнографам, изучающим народы Сибири, хорошо известны труды участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции — Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, И. Э. Фишера, Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова¹. Один из участников этой же экспедиции, Я. И. Линденау оставил после себя много работ, в частности ценную монографию, содержащую всестороннее описание якутов. Труд этот известен отдельным исследователям², однако, к сожалению, он до сих пор не опубликован.

Яков Иванович Линденау (около 1700—1795 гг.), швед по национальности, прожил долгую и трудную жизнь. С 1737 г. он служил переводчиком в Петербурге в воеводской канцелярии Сената, а 8 июня 1739 г. был принят в Академию наук в качестве переводчика и переписчика с латинского и немецкого языков. В октябре того же года Линденау был послан в экспедицию с Фишером по договору сроком на пять лет³. Он доехал с Фишером до Сургута, а затем с 5 июля по 27 сентября 1740 г. находился при Миллере, с которым совершил поездку из Тобольска в Березов и обратно. Затем он выехал из Тобольска опять к Фишеру, с которым и прибыл в Якутск в 1741 г. В рапорте в канцелярию Академии наук Фишер писал, что Линденау из Якутска был отправлен «в том же 741 году наперед в Охотск для требования от канцелярии Охотского порта морского судна, на котором бы я мог через море на Камчатку переехать»⁴. В сентябре 1741 г. Линденау прибыл в Охотск, где пробыл до июля 1743 г. Там он наблюдал за постройкой судна для участников экспедиции и одновременно занимался географическими и этнографическими исследованиями. Летом 1743 г. Линденау вернулся в Якутск, где его ожидало предписание Стеллера следовать в Удский

¹ Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I, М.—Л., 1937; т. II, М.—Л., 1941. Еще до Великой Отечественной войны А. И. Андреев и Л. П. Потапов подготовили к печати III и IV тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, но в силу различных обстоятельств эти тома не изданы до сих пор; I. G. Gmelin, *Reise durch Sibirien*, T. 1—4, Göttingen, 1751—1752; И. Э. Фишер, *Сибирская история*, Спб., 1774; W. Steller, *Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*, Frankfurt-Leipzig, 1774; С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М.—Л., 1949. Здесь мы приводим наиболее крупные опубликованные работы указанных авторов.

² П. Пекарский, *История Академии наук в Петербурге*, т. I, Спб., 1870; В. Лагус, Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия и переписка, Спб., 1890; А. И. Андреев, *Труды Миллера о Сибири*, в кн.: Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I; А. Золотарев, *Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.*, «Историк-марксист», 1938, № 2; И. С. Вдовин, *Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.*, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1943, т. 75, вып. 4; С. Марков, *Русские на Аляске*, М., 1946; М. О. Косвен, *Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.*, «Сибирский этнографический сборник», III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXIV, М., 1961; С. А. Токарев, *История русской этнографии* (дооктябрьский период), М., 1966.

³ Архив АН СССР, ф. 3, сп. 1, № 812, л. 20.

⁴ Там же, № 813, л. 811 об.

острог «для описания тамошних мест». По-видимому, Линденау уехал в Удский острог в том же 1743 г. и вернулся оттуда в Якутск только в апреле 1745 г. Неизвестно, когда он выехал из Якутска, но 21 августа 1746 г. Линденау появился в Петербурге, привезя с собой «учиненные им разным городам, путям, рекам и народам описания», которые затем были сданы в Архив Академии наук⁵.

В 1747 г. сенат присвоил Линденау за его труды в Сибири чин прапорщика, и он, согласно собственному желанию, был откомандирован в Москву в Сибирский приказ, а оттуда послан в Иркутск. С 1748 по 1750 г. Линденау служил управителем в Балаганском остроге, а затем с 1750 г по 1758 г. в Иркутской губернской канцелярии по делам счетоводства и ревизии. В 1762—1763 гг. он ведал «соляными делами». В 1764 г. Линденау приезжал в Москву и подавал прошение в сенат об отводе ему земли на речке Осе, близ Балаганского острога, для его «с женою и детьми пропитания». Челобитная была отправлена сенатом Иркутскому губернатору Фрауендорфу «на его рассмотрение и определение», но неизвестно, каков был ее результат⁶.

Следующее известие о Линденау относится только к 1786 г. В этом году Академия наук получила от Линденау составленное им «Некоторое описание об Амуре-реке». Затем в 1790 г. академик Э. Лаксман сообщил из Иркутска в Академию, что Линденау «сейчас 91 год», что он «оглох и находится в страшной нищете». При этом Лаксман, напоминая о прежних его заслугах, просил о назначении Линденау пенсии⁷.

И, наконец, по данным В. Лугуса, Линденау в последние годы жизни занимался «ломкою селитры в ущельях около Балаганска», «с трудом снискивая хлеб свой». В 1795 г. недалеко от Иркутска, в деревне у речки Осы в маленькой хижине Линденау постигла печальная смерть. «Он, 95-летний старик, вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками, сделался добычей пожара»⁸.

После Линденау осталось довольно много научных работ по географии Якутии, особенно по ее восточной части. Во время своего пребывания там он составил географические описания р. Лены и впадающих в нее рек; пути от Якутска до Охотска (1741 г.); рек от Ашалги до Кухтун по берегу Охотского моря (1742 г.); пути от Охотска до Ямского острога (1742 г.), от Охотска до Якутска (1743 г.); от Якутска до Удского острога (1744 г.) и от Якутска до Иркутска (1745 г.)⁹. Линденау, видимо, интенсивно занимался сбором различных географических и этнографических материалов. Об этом свидетельствуют ответы Охотской канцелярии от 1742 г. на 16 его вопросов по географии, этнографии и истории края. Таковы же и ответы, полученные им из Тауйского и Удского острогов. В 1742 г. ясачный сборщик А. Пежельский составил по поручению Линденау чертежи рек Охотского побережья (Ямы, Олы, Армана, Тауя и Ковы)¹⁰. Известно также, что в 1742 г. Линденау составил карту побережья Охотского моря, и в том же году сделал «Географическое описание р. Анадыря и в нее впадающих речек и ручьев»¹¹.

⁵ А. Золотарев, Указ. раб., стр. 67, 68.

⁶ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 202.

⁷ А. Золотарев, Указ. раб., стр. 68.

⁸ В. Лугус, Указ. раб., стр. 185.

⁹ А. И. Андреев, Изучение Якутии в XVIII веке, «Уч. записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», Якутск, 1956, вып. 3, стр. 17; Центральный Гос. архив древних актов (далее ЦГАДА), портф. Миллера, № 511, II, тетр. I—5, 7.

¹⁰ А. И. Андреев, Изучение Якутии в XVIII веке, стр. 17, 18; Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 103, 142; оп. 1, № 800 а.

¹¹ И. С. Вдовин, Указ. раб.; о «Географическом описании Анадыря» см.: А. И. Андреев, Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв., «Изв. Всесоюзного географического об-ва», 1940, вып. 3.

Линденау принадлежат и этнографические описания различных народов: якутов (1741—1745), пеших тунгусов и ламутов¹², удских тунгусов (1744—1745)¹³, коряков, юкагиров. Все эти рукописи, кроме «Описания якутов», хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов¹⁴.

«Описание якутов»¹⁵ является первым серьезным монографическим исследованием по этнографии якутов и потому заслуживает более подробного рассмотрения.

Источником для труда послужили отдельные архивные документы (ясачные книги, ведомости), данные фольклора, древних якутских легенд, расспросы местных жителей, собственные наблюдения автора и, наконец, языковой материал. Из круга источников, которым пользовался Линденау, наиболее важными для него самого были фольклорные материалы и собственные полевые наблюдения. Доступ в архивы ему был по каким-то причинам ограничен. В одном месте он пишет: «для точного выполнения этих обстоятельств мне были отрезаны все пути, поэтому кроме того, что я самолично видел и при чем присутствовал, ничего не буду выдавать за правду, а предоставляю это людям, могущим получить точные и документальные данные из канцелярии»¹⁶. В описании, судя по всему, нет следов использования литературы о якутах. Однако у Линденау было одно важное преимущество перед его предшественниками: он был очевидцем многих описываемых явлений. В его работе, состоящей из 25 глав, освещены происхождение, материальная культура, общественный строй, религиозные верования якутов.

В первой главе («О якутах и их происхождении») автор, основываясь на преданиях, частично дополненных письменными известиями 1630-х годов, излагает историю переселения с юга предков якутов. В ней говорится также «об их войнах с другими народами, о внутренних смутах, об их расселении»¹⁷.

По данным Линденау, предки якутов в глубокой древности в силу каких-то причин отделились от татар. Затем они поселились в Прибайкалье. Вождями у них были Элляй и Омогой, от которых со временем произошли восемь якутских родов, расселявшихся близ оз. Далай, названного ими Байкал. Якутским родам пришлось постоянно сталкиваться с киргизами, а по некоторым сведениям — и с монголами. Вождем к тому времени был у них Антатюик, а после него — его сын тойон Баджей. В результате этих непрерывных войн предки якутов сильно ослабели и не могли больше сопротивляться своим врагам. Поэтому тойон Баджей со всем племенем ушел от так называемой горы «Кебуэлуур» вниз по Лене и прибыл к месту, где ныне стоит Якутск. Сам он расположился там, остальных же соплеменников расселил по разным местностям¹⁸.

Далее Линденау приводит аргументы, отчасти подтверждающие изложенное выше предание. Во-первых, «26 сентября 1745 г., проезжая на Далай, т. е. на Байкальское озеро, — пишет он, — я встретил несколько древних якутских укреплений». Во-вторых, по мнению Линденау, якуты «имели также поселения на высоком выравненном правом берегу Лены, ниже села Качугского. Место это у русских называется Якутский

¹² На основании описания Линденау пеших тунгусов или ламутов в советское время была написана статья: см. А. Золотарев, Указ. раб.

¹³ Данная работа тоже была использована в указанной статье А. Золотарева.

¹⁴ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, тетр. 3 (43 л.), тетр. 5 (51 л.), тетр. 9 (47 л.), тетр. 6 (35 л.), тетр. 4 (2 л.). Все на немецком языке.

¹⁵ Здесь мы пользуемся переводом с немецкого К. Жихаревой. Рукопись хранится в Архиве Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151.

¹⁶ Там же, л. 93.

¹⁷ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 93.

¹⁸ Там же, л. 93—97.

Взвоз¹⁹, а у якутов и бурятов — «Кебуэлуур». По-якутски «Кебуэлуур» значит «он спорит» или «кричит на меня», а на бурятском языке это слово не имеет никакого значения»²⁰.

Надо сказать, что отдельные положения Линденау совпадают с точкой зрения советских историков. В результате анализа записей Линденау, подтвержденных позднейшими данными, А. П. Окладников пришел к выводу, что основная часть предков якутов, считавшая себя потомками Элляя, начала переселение с Верхней Лены в первой половине XVI в. или в конце XV в.²¹ Однако переселение предков якутов на Среднюю Лену не могло быть единовременным актом. По мнению А. П. Окладникова, длительный процесс переселения якутов с юга на север состоял из двух этапов — первый около X—XI вв. н. э. и второй — за 100—150 лет до прихода русских на Лену²².

Линденау сообщает, что у якутов издавна существовал *тойон ууһа*, т. е. «тойонский род» или «господский род». Главой *тойон ууһа* могли быть «лишь потомки Элляй-Батора». Впоследствии главой *тойон ууһа* стал после Мунньяна (сына Баджея) его младший сын Тыгын. Это вызвало ссору между Тыгыном и его старшими братьями. Борьба была долгой и ожесточенной. В результате Тыгын достиг большой силы, стал «главой и повелителем всех». Он избрал для своей резиденции «три места: первое — между речками Алаганой и Кулдати на аласе, т. е. на равнине Еркани Хонута, второе — у озера Табагинского... и третье — на месте теперешнего города Якутска, у озера Сайсарского»²³.

Сам по себе термин *тойон ууһа* говорит о резкой социальной дифференциации в общественной жизни якутов. По-видимому, *тойон ууһа* стоял во главе племен и эксплуататорской верхушки. Эти предания отражают действительные события в жизни якутского народа перед приходом русских, эпоху межродовых войн, в фольклоре называемых веком «кыргыс-уйэтэ».

В первой же главе довольно подробно рассказывается о встрече с русскими и о присоединении якутов к Русскому государству.

В период внутренних усобиц между якутами, сообщает Линденау, русские, постепенно осваивая Сибирь, познакомились с тунгусами, от которых и узнали, что на Лене проживает народ, называемый «джакол». Известие тунгусов побудило русских двинуться дальше на розыски этого народа. По прибытии на Лену они были захвачены в плен Тыгыном и выполняли у него различные работы, но пользовались при этом относительной свободой. Со временем эти пленники построили небольшой острог и засели в нем, а затем отправили трех человек за помощью в Илимск. Из Илимска был послан некий Осип Чулков с сотней человек, который по прибытии в острог на Лене стал гребовать от якутов уплаты дани. Когда он отправился с отрядом в 30 человек собирать ясак, якуты напали на них, убили Чулкова и 20 человек, а после этого двинулись на острог с целью овладеть им, но вынуждены были отступить. Сообщения об этих событиях дошли до Москвы и оттуда были направлены воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов. В дальнейшем якуты «перестали затевать что-либо против русских». А русские продолжали подчинять их и другие племена²⁴. Это сообщение Линденау о событиях 1620—1640-х годов построено на данных устных расспросов, а не на документальных материалах.

¹⁹ «Якутский Взвоз», как выяснилось, в 1947 г. получил название деревни Макаровой. Находится в 5 км ниже Качуга, на правом берегу Лены (А. П. Окладников, Якутия до присоединения к русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955, стр. 355).

²⁰ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 94.

²¹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 365.

²² Там же.

²³ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 97—100.

²⁴ Там же, л. 99—103.

В этой же главе Линденау приводит данные о численности якутов. Раньше их насчитывалось, пишет он, «около 20 000, кроме женщин и детей, но они сами сократили свою численность внутренними смутами и раздорами», а позднее очень много людей вымерло от оспы. Современную «их численность не удалось установить, так как они живут очень разбросанно»²⁵. Однако он приводит ценную таблицу численности якутов в отдельных улусах, острогах и зимовьях и цифры о платимом ими ясаке.

В четвертой главе Линденау приводит весьма интересные данные о социальной дифференциации в якутском обществе 40-х годов XVIII в. «Якуты разделяют себя,— пишет он,— по общественному положению на определенные разряды или классы: Bai — богатый, Mung Aht bai — не знающий счета своему богатству — рогатому скоту и лошадям. Orto bai — владеющий 5-ю или 6-ю табунами. Bosak itarbak — имеющий 1—2 табуна. Osin Tönpötarbak — имеющий 2-х или 3-х коров; другое название такого человека — Balliksit. Tond Balliksit — называются люди, имеющие только собак и питающиеся рыбой»²⁶. Эти данные подтверждаются позднейшими исследованиями. Так, советский историк М. Н. Мартынов на основе письменных источников установил, что к «середине XVIII в. якуты делились на четыре группы, резко отличавшиеся по имущественному и правовому положению». В их число входили: 1) якутская знать — тойоны; 2) свободные самостоятельные общинники; 3) свободные, но потерявшие экономическую самостоятельность; 4) зависимые: «холопы», «захребетники»²⁷. С. А. Токарев писал, что описание Линденау вообще «оказывается весьма точным: в нем очень мало мест, которые не были бы впоследствии подтверждены исследованиями этнографов»²⁸.

В главах 5—8 Линденау, по большей части на основании личных наблюдений, обстоятельно описывает различные стороны материальной культуры якутов. В пятой главе подробно рассказано о зимних и летних жилищах и об их внешнем и внутреннем устройстве. Внутреннее расположение зимнего жилища, например, было таково: «На западной и северной сторонах — переборки, хотон (хлев) для дойных коров. Возле входа хлева тоже переборка, торбос онно (телятник), где помещаются телята; все это под одной крышей»²⁹. Речь, несомненно, идет о стойловом содержании крупного рогатого скота в зимний период. Летние жилища располагались «обычно возле рек, на аласах (поляна) и у небольших озер»³⁰. По-видимому, Линденау был близок к пониманию того, что различные типы жилищ и хозяйственных построек у якутов были связаны с локальным характером их скотоводческого хозяйства и с их общей культурой, хотя в такой форме эта мысль у него и не высказана.

В шестой главе описывается мужская и женская одежда (зимняя и летняя), а также женские украшения. Линденау перечисляет здесь исчезнувшие к XIX в. виды одежды, например часть древнего женского костюма — нагрудник *туһурук* (его носили только девушки до замужества) Линденау указывал на сходство якутского нагрудника с передником тунгусских женщин, однако здесь он был не вполне прав. Как показывают наблюдения А. П. Окладникова, якутский *туһурук* ближе не к тунгусскому переднику, а к аналогичной части женского костюма некоторых тюркских племен, в том числе сибирских тюрок и башкир³¹.

²⁵ Там же, л. 103, 104.

²⁶ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 1060.

²⁷ «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 92.

²⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 87.

²⁹ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 107.

³⁰ Там же, л. 108.

³¹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 252.

Рассказывает Линденау и о пище и напитках (глава 7). У него подробно и обстоятельно записаны технология и способы приготовления молочных, мясных, рыбных и растительных блюд.

В восьмой главе речь идет о домашней утвари. Эти сведения особенно ценны, так как здесь речь идет о предметах, по большей части исчезнувших из обихода якутов к концу XIX — началу XX в. в результате тесных контактов с русскими, изменивших весь уклад жизни этого народа.

В девятой главе сообщаются сведения о содержании скота. Якуты держат, пишет Линденау, только крупный рогатый скот и лошадей. Конские косяки пасутся на воле как летом, так и зимой. Гулевые табуны пасутся отдельно, но ездовых лошадей зимой ставят «на кормежку сеном». Рогатый скот «с весны и все лето пасется на аласах; дойных коров обычно держат поблизости от жилья и осенью ставят на сено, остальное стадо до декабря остается на отаве». Линденау показывает также, что якутам была известна народная ветеринария³². Эти наблюдения подтверждаются позднейшими исследованиями.

Следующие две главы (10 и 11) служат как бы продолжением 9-й главы. В них Линденау сообщает сведения об именах, даваемых жеребятam и телятам, о седлах и санях. Например, он пишет: «В общем, вся их конская сбруя такая же, как у бурят». «Телег и повозок у них нет,— продолжает он далее,— только сани, которыми они пользуются для перевозки своего скарба зимой и летом, называются они *сыарба* и похожи на русские. В упряжь лошадей никогда не берут, а только быков»³³.

Глава 12 посвящена оружию якутов. В ней мы находим описания луков, стрел, палм, копий и др.

В следующих главах Линденау обращается к общественному быту якутов. В них речь идет о свадебных обычаях и обрядах (глава 13), о взаимоотношениях полов и обычаях, связанных с рождением детей (глава 14), об именах, даваемых детям (глава 15), о разводах и воспитании детей (глава 16), о правовых обычаях и наказаниях (глава 17).

Затем следуют главы, освещающие духовную культуру якутов. Так, глава 18 рассказывает об исчислении времени. Автор приводит названия месяцев, сообщает, что Новый год начинается с месяца тордунньу, когда якуты переселяются из своих летних помещений в зимние. Сезоны года (осень, зима, весна и лето) состоят из трех месяцев. Месяц состоит из 30 дней. Когда происходят солнечные и лунные затмения, якуты говорят, что оба великие светила умирают³⁴. Как видим, записи Линденау о времени исчисления очень подробны. Так же обстоятельно написаны главы 19-я — о плясках и состязаниях, 20-я — о празднике *ысыах*³⁵, 21-я — о шаманах и их камланиях, 22-я — о жертвоприношениях, 23-я — о погребениях и вере в загробный мир, 24-я — о вере в богов, ангелов и чертей и, наконец, 25-я — о мифах сотворения мира и космогонических представлениях.

Главы 13—25, отражающие общественный быт и духовную культуру, написаны так же обстоятельно, как предыдущие, и представляют немаловажный интерес.

Необходимо подчеркнуть, что Линденау проявил себя как прекрасный лингвист и незаурядный знаток якутского языка. Каждая глава его труда снабжена словарем, где поясняется каждый новый термин, специфическое выражение. По приблизительным подсчетам их около 600. Более того, в труде мы обнаруживаем запись песни — заклинания при открытии праздника *ысыах* — это первое фольклорное произведение, зафиксированное на якутском языке (глава 20-я).

³² Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, л. 121, 122.

³³ Там же, л. 123.

³⁴ Там же, л. 131, 132.

³⁵ Глава 20 опубликована краеведом И. Березкиным в журнале «Полярная звезда», Якутск, 1956, № 4 (на якутском яз.).

Из изложенного ясно, что монография Линденау является ценным источником по этнографии якутов, в котором отражены почти все стороны их жизни в 40-х годах XVIII в. В ней также подробно освещены вопросы происхождения якутского народа, истории переселения их предков с юга, представлена картина их прошлого до прихода русских, время внутренней смуты времен Тыгына, покорения их русскими и т. д.

Высокую оценку монографии «Описания якутов» дал С. А. Токарев. Он писал: «Из других этнографических работ того времени один только труд Крашенинникова... стоит выше по своему научному уровню. Если сравнить с зарубежными этнографическими описаниями, то и из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству с описанием якутов у Линденау»³⁶.

³⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 87.
